



ПУТЬ
СОЛДАТОВА

ЗАКАЛКА СОЛДАТОВА КНИГА 4



ALEXANDER GRIGORYEV

18+

Александр Григорьев
Закалка Солдатова, книга 4
Серия «Путь Солдатова», книга 2

<https://litres.ru/73550639>

SelfPub; 2026

Аннотация

Граф Дмитрий Оленин-Вронский прибывает в Царьград, чтобы служить при дворе царевича Ивана. Обладая особым даром распознавать нечисть, он сталкивается с новыми угрозами — опасными существами, скрывающимися под маской знати и использующими золото как морок.

Книга сочетает элементы фэнтези, исторического романа и приключенческого жанра, раскрывая тему борьбы добра со злом в высшем обществе, где золото слепит глаза, а сталь остаётся единственным надёжным оружием.

Содержание

Пролог: Дорога в Царьград	4
ГЛАВА 1. РЫНДА (7091 год)	9
ЧАСТЬ 2. ПРИСЯЖНОЙ (7092 год)	39
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Закалка Солдатова, книга 4

Пролог: Дорога в Царьград

Часть 1: Серебряный купец

Это случилось на исходе третьего дня пути. Дмитрий с Дядькой и двумя гайдуками остановился на ночлег в торговом селе, где тракт сворачивал на Царьград. Постоялый двор «Разгуляй» гудел как улей – купцы, приказчики, гонцы, беглые холопы, ищущие счастья в столице. Пахло щами, перегаром и прелым сеном.

Дмитрий сидел в углу, хлебал похлебку и думал о Лизе, когда вдруг почувствовал его. Тот самый холод, что в детстве предупреждал о нечисти. Только теперь он был странным – не тягучим, как от болотной твари, а каким-то... сверкающим, что ли.

Он поднял глаза.

За дальним столом, в самом центре залы, восседал купец. Богатый, сразу видно – кафтан из алого сукна, шапка соболья, пальцы в кольцах. Но кольца те были не простые – серебряные, массивные, с камнями, и сидели на пальцах так плотно, будто вросли в кожу. На шее – серебряная цепь в три ряда, тяжелая, как кандалы. Пуговицы на кафтане – серебряные, крупные, литые. Даже подковы у сапог, выглядывавшие из-под стола, отливали серебром.

Купец ел жадно, чавкал, прихлебывал, и никто вокруг не обращал на него внимания. А Дмитрий видел. Видел, как под слоем серебра, вьёвшегося в плоть, клубится тьма. Как глаза купца, вроде бы человечесьи, на миг вспыхивают зеленым, когда он облизывает жирные губы. Как тень его на стене не повторяет движений, а живет своей жизнью.

– Дядька, – тихо сказал Дмитрий, – глянь на того купца.

Дядька посмотрел, пожал плечами:

– Купец как купец. Богатый. А что?

– Ничего. Ешь.

Дмитрий понял. Серебро не защищало тварь – оно скрывало её. Отводило глаза людям. Вся эта груда металла работала как морок, заставляя видеть человека там, где сидела нечисть. Только его дар, перепекший его в печи Шептуньи, видел правду.

Он машинально потянулся к сабле, висевшей на поясе. Но тут же одернул себя. Вскочить, зарубить купца на глазах у полусотни людей? Его схватят, посадят на цепь, а то и повесят за убийство безвинного (как им покажется) торгового человека. Ни царевич, ни связи графини не помогут, если он начнет столичную карьеру с виселицы.

– Дядька, – прошептал он, – у нас сколько денег осталось?

– Счесть? – насторожился старый воин.

– Не надо. Достаточно, чтобы нанять лихих людей на одну ночь?

Дядька посмотрел на него долгим взглядом, потом кив-

нул:

– Есть тут одна шайка, при дороге промышляет. Я их атаману знаю, вместе в ополчении ходили. Что задумал, граф?

– Купца того ограбить надо. Всё серебро с него снять. До последней пуговицы.

– Зачем?

– Затем, что под серебром этим – не купец. Нечисть. А нанять воров надо, чтобы нечисть сама наружу вылезла. Тогда и рубить можно будет без оглядки.

Дядька крикнул, почесал бороду, но спорить не стал. Он привык доверять чутью графа.

Часть 2: Ночная охота

Атаман Пашка Косой оказался мужиком битым, хитрым и без лишних вопросов. За полтину серебром (настоящим, не купеческим) и обещание графского слова в случае чего он согласился на дело. Пятеро его молодцов, с ножами и дубьем, подкараулили купца, когда тот вышел по нужде в задний двор.

Дмитрий наблюдал из тени конюшни.

Воры налетели быстро, сбили купца с ног, принялись обдира́ть. Кольца с хрустом сходили с пальцев, цепь порвали, пуговицы с мясом отдирали от кафтана. Купец сначала орал, звал на помощь, но, когда серебра на нем почти не осталось, орать перестал.

Он захохотал.

Смех был страшный – утробный, булькающий, нечеловеческий. Тело его пошло рябью, кожа лопнула, и наружу полезла тьма. Длинные руки с когтями, горящие зеленым глаза, пасть полная игольчатых зубов. Воры шарахнулись в стороны, кто-то упал, кто-то побежал, но Дмитрий уже был тут.

– Прочь! – крикнул он, заслоняя их собой. – Я сам!

Тварь прыгнула. Дмитрий встретил её саблей – наискось, целя в шею. Удар пришелся в плечо, отрубил руку, но тварь даже не замедлилась, попыталась достать его когтями другой. Дмитрий ушел в сторону, рубанул снова – по ногам. Тварь рухнула, но поднялась на обрубках, шипя и харкая черной кровью.

– Голову, граф! – крикнул Дядька, выбегая из тени с топором. – Голову руби!

Дмитрий и сам знал. Он прыгнул вперед, перехватывая саблю двумя руками, и обрушил её на шею твари. Лезвие вошло в гнилую плоть, хрустнули позвонки, и голова, отделившись от тела, покатилась по снегу, разбрызгивая черную слизь. Тело забилось, задымилось и рассыпалось прахом.

На снегу остались только кучка пепла да валявшиеся рядом серебряные украшения – кольца, цепь, пуговицы, подковы. Они тускло поблескивали в лунном свете, и от них больше не веяло мороком.

Воры, пришедшие в себя, крестились и плевались. Пашка Косой подошел к Дмитрию, глянул на него с уважением и страхом.

– Ты, граф, это... прости, что сомневались. Теперь мы твои навеки. Что хочешь проси.

– Молчите о том, что видели, – ответил Дмитрий, вытирая саблю о снег. – Скажете – купца ограбили, а он сам... сам сгинул. Поняли?

– Поняли, – закивали воры. – Само собой.

Утром на постоялом дворе только и разговоров было, что о богатом купце, который то ли сбежал, то ли его черти унесли. Никто не жалел – купца не любили, а добро, что воры принесли в общаг, поделили по справедливости.

Дмитрий, сидя в седле и выезжая на тракт, чувствовал, как внутри разливается странное спокойствие. Дар не обманул. И в столице, где нечисть умеет прятаться за золотом и серебром, этот дар будет нужен как никогда.

– Слышь, граф, – окликнул его Дядька, – а чего это тварь серебром-то обвешалась? Обычно нечисть его боится.

– Не боится, Дядька, – ответил Дмитрий, вспоминая книгу батюшки. – Серебро – не защита от них. Это их маскировка. В серебре они людей дурачат. А сталь – вот наша сила. Сталь человеческая.

Он похлопал по сабле и пришпорил Бурана. Впереди, за лесом, уже угадывалось зарево тысяч огней – Царьград ждал своего нового защитника.

ГЛАВА 1. РЫНДА (7091 год)

Часть 3. Въезд в Царьград

Дорога вилась меж холмов, и когда отряд поднялся на последний из них, Дмитрий придержал Бурана. Город открылся сразу весь, от края до края, и у него перехватило дыхание.

Царьград лежал в огромной чаше, раскинувшись на семи холмах, и каждый холм венчала маковка собора или шатёр княжеского терема. Золото куполов горело в лучах закатного солнца так ярко, что глазам было больно. Кремль, обнесённый белокаменной стеной с башнями, возвышался над всем этим великолепием, как огромный зверь, охраняющий свою добычу. А внизу, у подножия холмов, дымили трубы, теснились избы, тянулись к небу чёрные пальцы мастерских и складов. Город жил, дышал, гудел, и гул этот доносился даже сюда, за несколько вёрст.

– Ну, граф, – Дядька подъехал ближе, попыхивая трубкой, – любуйся. Столица.

Дмитрий молчал, вбирая в себя это зрелище. Он думал о том, что где-то там, за этими стенами, решается судьба не только его, но и Лизы, детей, всей губернии. И от этой мысли внутри похолодело.

– Поехали, – сказал он коротко и тронул поводья.

Въехали в город, когда уже стемнело. Но тьма здесь была не деревенской, не тихой и звёздной. Тьму Царьграда раз-

рывали факелы, смоляные бочки, свет из окон кабаков и богатых домов. Крики, смех, брань, грохот колёс по бревенчатой мостовой – всё смешалось в единый, оглушительный гул. Пахло дымом, жареным мясом, конским навозом и ещё чем-то пряным, чужим.

Подворье, снятое людьми графини, оказалось на окраине, но в добротном месте – двухэтажный дом с конюшней и высоким забором. У ворот их уже ждали.

– Граф Дмитрий Оленин-Вронский? – низко кланяясь, спросил сухонький старичок в длинном кафтане. – Милости прошу. Меня Агафоном кличут, я от графини Анны Ильичны. Всё для вас приготовлено.

В доме было чисто, тепло, пахло сдобой и сухими травами. Дмитрий, оставив гайдуков распрягать коней, прошёл в горницу. Агафон суетился, наливал чай, выкладывал на стол пироги.

– С дороги-то, граф, откушайте, – приговаривал он. – А потом и потолкуем.

Дмитрий ел молча, чувствуя, как усталость отпускает. Старик сидел напротив, внимательно разглядывая его цепкими, умными глазами.

– Графиня писала о вас, – наконец заговорил Агафон, понизив голос. – Много писала. И о ваших подвигах, и о даре вашем. Здесь, в столице, это пригодится. Ох как пригодится.

– Что здесь происходит? – спросил Дмитрий, отодвигая пустую тарелку.

Агафон вздохнул, погладил редкую бородёнку:

– Всё как везде, граф. Интриги, свары, борьба за место у трона. Князь Шуйский со своими людьми против царевича. Царевич Иван Иванович – молод ещё, но умён. Только доверять никому не может. После трёх покушений, что на него были, – он замолчал, перекрестился на образ в углу, – никому не верит. А тут вы.

– Покушений? – насторожился Дмитрий.

– Было дело, – кивнул Агафон. – Люди гибли, верные слуги. Царевич с тех пор сам не свой. Потому и письмо графини так быстро в дело пошло. Он ждёт вас. Присматривается пока, но ждёт.

Старик помолчал, потом достал из-за пазухи сложенный лист, запечатанный сургучом.

– От Лизы вам письмо, – тихо сказал он. – И от графини наставления. А я, граф, буду при вас. Все ходы-выходы знаю, людей нужных знаю. Помогу, чем смогу. Только вы уж... берегите себя. Здесь, в столице, глаза и уши повсюду. Золото слепит, а серебро обманывает. Верьте только своему нутру.

Дмитрий взял письмо, сжал в руке. В груди разлилось тепло. Лиза ждала, верила, любила. Ради этого стоило терпеть любые испытания.

– Спасибо, Агафон, – сказал он. – Я всё понял.

– Отдыхайте, граф, – старик поднялся, поклонился. – Завтра во дворец. Утро вечера мудренее.

Он вышел, а Дмитрий остался один. Долго сидел, глядя на

огонёк свечи, потом развернул письмо и погрузился в чтение, слыша сквозь строчки родной голос, что звал его домой.

Часть 4. Представление двору

Утро началось затемно. Дядька, хлопотавший с ночи, разбудил Дмитрия ни свет ни заря:

– Поднимайся, граф. Во дворце раньше встают, чем в деревне. Негоже перед царевичем заспанным являться.

Дмитрий одевался тщательно, как учила Ольга. Кафтан тёмно-зелёного сукна с серебряным шитьём, сапоги из мягкой кожи, сабля на перевязи – та самая, что рубила головы упырям. В рукав зашит материнский крестик – на удачу. Перед выходом перекрестился на образ в углу, хоть и не был уверен, кто там изображён – Праматерь или кто из новых святых.

До Кремля добирались через весь город. Улицы уже гудели народом: торговцы раскладывали товар, бабы тащили коромысла с водой, приказчики бежали по делам. Дмитрий смотрел по сторонам, стараясь запомнить дорогу, но в этом лабиринте кривых переулков легко было заблудиться.

Кремль встретил их воротами, перед которыми стояли стражи в длинных кафтанах с топориками на плечах. Дядька предъявил бумаги с печатью, и их пропустили.

Внутри Дмитрий едва не замер, разглядывая соборы, терема, палаты. Всё было огромным, величественным, чужим. Люди сновали по делам – кто в богатых шубах, кто в про-

стых сермягах, – но никто не обращал на провинциалов внимания.

Их провели в Разрядный приказ – длинное низкое здание, где пахло чернилами, воском и мышами. Дьяк, сухой как щепка, в очках на кончике носа, долго листал какие-то книги, сверялся с бумагами, бормотал под нос:

– Вронский-Оленин, граф Дмитрий... из губернии... от графини Анны Ильиничны... Слышали, слышали. Охотник, стало быть.

Он поднял глаза, оглядел Дмитрия с ног до головы и, кажется, остался доволен.

– Должность тебе, граф, определена рынды. Будешь при особе царевича Ивана Ивановича в карауле стоять. Дело почётное, но хлопотное. Стой смирно, смотри в оба, рта не раскрывай без надобности. А если что – докладывай десятнику.

Дмитрий кивнул, принимая назначение. В душе шевельнулась обида – он, граф, воин, убийца нечисти, будет просто стоять статуей? Но он тут же подавил это чувство. Ольга учила: в столице всё иначе. Здесь терпение и умение ждать ценятся не меньше, чем сила.

Из приказа их повели дальше, через анфиладу комнат, мимо портретов в тяжёлых рамах, мимо зеркал в золочёных простенках. Дмитрий старался ступать тихо, но сапоги всё равно стучали по паркету. Наконец они оказались в просторной зале, где вдоль стен стояли рынды – рослые, статные молодцы в одинаковых белых кафтанах, с топориками на пле-

чах. Они походили на изваяния — ни один не шелохнулся при появлении чужака.

— Жди здесь, — велел провожатый и исчез за тяжёлой портьерой.

Дмитрий встал у стены, стараясь принять такую же неподвижную позу. В зале было холодно, от стен веяло древним камнем. В высоких окнах лился мутный утренний свет. Время тянулось бесконечно.

Наконец портьера колыхнулась, и вошёл он. Дмитрий узнал царевича сразу — по осанке, по тому, как почтительно склонились рынды, по дорогой одежде. Иван Иванович Соколов был молод, лет двадцати двух, строен, с умными серыми глазами и тёмными волосами, которые вечно выбивались из-под шапки. Он держался с достоинством, но без спеси, и в его взгляде чувствовалась привычка оценивать людей.

Царевич остановился напротив Дмитрия, оглядел его внимательно, изучающе. Взгляд скользнул по лицу, по плечам, по сабле на поясе. На мгновение в глазах мелькнуло что-то похожее на интерес, но тут же сменилось привычной настороженностью.

— Граф Вронский? — спросил он негромко.

— К вашим услугам, государь, — Дмитрий поклонился, как учила Ольга — с достоинством, но без подобострастия.

Царевич чуть приподнял бровь. Кажется, он ожидал другого — провинциального увальня, мнущегося и заискивающего. А перед ним стоял воин, смотревший прямо и спокойно.

– Слышал о твоей охоте, – сказал Иван после паузы. – Говорят, ты упырей голов рубил лучше любого палача. Здесь, в столице, другая охота. Здесь враг улыбается и носит парчу.

– Я заметил, государь, – ответил Дмитрий. – Золото здесь слепит глаза.

Царевич усмехнулся одними уголками губ. В этом жесте мелькнуло что-то человеческое, тёплое, но тут же исчезло.

– Служи исправно, граф. Твоё время покажет. А пока... – он кивнул на стену, – становись. Научат.

Он уже повернулся уходить, когда тяжёлая дверь в другом конце залы отворилась, и вошёл князь. Дмитрий сразу понял, кто это. Не по роскошной одежде, не по важной поступи – по тому самому холодку, что вдруг прокатился под ложечкой, заставив сердце биться чаще.

Князь Василий Шуйский был высок, плотен, с окладистой бородой и маленькими, глубоко посаженными глазами, которые смотрели цепко, как у хорька. Он пересёк залу, бросив на Дмитрия мимолётный взгляд, скользнувший, как лезвие. В этом взгляде не было открытой враждебности – только оценивающий холод, прикидка: свой? чужой? опасен?

Царевич, заметив его, чуть напрягся, но приветствовал вежливо, как требовал этикет. Шуйский ответил поклоном, и между ними, в этом коротком обмене любезностями, Дмитрий почувствовал то, что нельзя было увидеть глазами – глухую, застарелую вражду, спрятанную под слоем парчи и улыбок.

Когда князь вышел, Иван обернулся к Дмитрию и сказал тихо, чтобы слышал только он:

– Вот, граф, тот самый враг, что улыбается. Присматривайся. И запоминай.

Он вышел, оставив Дмитрия в зале. Рынды стояли неподвижно, как статуи. А Дмитрий думал о том, что холодок под ложечкой не обманул. Шуйский был опасен. Очень опасен. И, кажется, он тоже что-то почуял.

Часть 5. Первые дни службы

Служба оказалась тем, чего Дмитрий меньше всего ожидал. Она была... никакой.

День начинался затемно. Вместе с другими рындами – рослыми, молчаливыми молодцами – он занимал место у стены в приёмной зале или у дверей царевичевых покоев. И стоял. Час, два, три, четыре. Пока шли доклады, пока бояре перешёптывались в углах, пока дьяки шуршали бумагами, Дмитрий стоял статуей, сжимая в руках бесполезный топорик.

Ноги затекали, спина немела, но он держался. Ольга учила терпеть. В деревне он терпел девок в бане, считая доски, чтобы не сойти с ума. Здесь он считал трещины на потолке, блики на золочёных рамах, шаги важных господ, входящих и выходящих.

И наблюдал.

Первые дни лица сливались в безликую массу – бояре в

шубах, дьяки в длинных кафтанах, приказные в сермягах. Но постепенно Дмитрий начал различать. Вот этот, с окладистой бородой, входит с улыбкой, а выходит – с хищным прищуром. Значит, выпросил что-то. А этот, молодой, вертлявый, слишком долго задерживается у дверей, прислушивается к разговорам. Сogleдатель, видно.

Их учили не замечать рынду. Рында – мебель, часть интерьера. И Дмитрий пользовался этим. Стоя неподвижно, он видел, кто с кем переглядывается, кто кому суёт бумажку, кто после доклада царевичу выходит бледнее мела.

Особенно он присматривался к тем, от кого веяло холодком. Тот самый детский страх, что просыпался в избе, когда тьма тянулась из угла, здесь возникал внезапно, от людей в золоте и парче. Дмитрий не видел тварей – золото скрывало их, – но чувствовал. И запоминал лица.

– Князь Шуйский, – шепнул ему однажды Дядька, когда тот проходил мимо. – Глава клана, враг царевичев. Гляди в оба.

Дмитрий и глядел. Шуйский не вызывал у него того ледяного ужаса, что другие, но от него несло опасностью, как от затравленного зверя.

В короткие перерывы между дежурствами он встречался с Агафоном. Старый ключник появлялся всегда неожиданно – у конюшни, в трапезной, на заднем крыльце. Передавал новости, объяснял, кто есть кто, предупреждал об опасностях.

– Ты, граф, запоминай, – говорил он, понижая голос. – Кто

с кем в родстве, кто кому должен, кто на кого зубы точит. Здесь всё через это.

Дмитрий запоминал. И чувствовал, как с каждым днём в нём нарастает глухая тоска.

Вечерами, возвращаясь на подворье, он садился у окна и смотрел на закат. Там, за горизонтом, осталась усадьба. Лиза. Дети. Тридцать шесть жён, которые ждали его по ночам не из интриги, а потому что скучали. Здесь всё было иначе. Здесь даже бабы улыбались с расчётом.

На пятый день Агафон передал ему письмо. Маленький, сложенный вчетверо листок, пахнувший сухими травами. Дмитрий узнал почерк Лизы ещё до того, как развернул.

Письмо было коротким, скупым на слова – Лиза никогда не умела писать длинно. Но каждое слово ложилось на сердце теплом.

«Митяй мой родный, здравствуй. У нас всё хорошо. Анастасия выросла, уже сама ходит и говорит "тятя". Жёны скучают, спрашивают, когда вернёшься. Я молюсь за тебя каждую ночь. Береги себя. Твоя Лиза».

Он перечитал письмо три раза, потом спрятал у сердца, рядом с материнским крестиком. В груди защемило так, что пришлось зажмуриться.

– Ничего, граф, – Дядька, сидевший в углу, затянулся трубкой. – Потерпи. Здесь все терпят. Кто вытерпит – тот и выиграет.

Дмитрий кивнул. Он вытерпит. Он всегда терпел. Но как

же хотелось домой.

Часть 6. Придворный бал

Бал давали в Грановитой палате – огромном зале, где своды терялись в полумраке, а стены были расписаны древними ликами и узорами. Тысячи свечей горели в паникадилах, отражаясь в золоте окладов и драгоценных камнях, и от этого света кружилась голова. Музыка – не деревенские дудки, а настоящий оркестр с заморскими инструментами – лилась откуда-то сверху, заполняя зал тягучей, сладкой мелодией.

Дмитрий стоял у колонны, как и положено рынде, – неподвижно, с топориком на плече, глядя прямо перед собой. Но глаза его видели всё.

Мимо проплывали дамы в парче и шёлке, с высокими воротниками и глубокими декольте, из-под которых вздымалась грудь, обсыпанная перламутровой пудрой. Кавалеры в шитых золотом кафтанах, с кружевными воротниками и напыженными волосами, кланялись, шаркали, целовали кончики пальцев. Воздух был густым от запахов французских духов, пота и сладкого вина.

Дмитрий смотрел и учился. Вот княгиня Ирина, та самая, что строила ему глазки на прошлой неделе, сейчас вьётся вокруг старого боярина с орденой звездой. Прижимается, смеётся, а глаза – холодные, расчётливые. Вот молодой княжич, весь в золоте, целует ручку боярыне, а сам косится на её дочь. Искусство, сплошное искусство.

Вдруг его пронзило.

Холод пришёл неожиданно, как удар ножом под дых. Тот самый, детский, липкий, от которого волосы встают дыбом и сердце проваливается в пятки. Дмитрий едва удержался, чтобы не схватиться за саблю. Он медленно повёл глазами, стараясь не шевелить головой.

В центре зала, в кругу расступившихся гостей, стоял князь Шуйский. На нём был кафтан, сплошь расшитый золотом, – пуговицы, позументы, даже нитки, казалось, были золотыми. На груди – массивная цепь с двуглавым орлом, на пальцах – перстни с крупными камнями, оправленные в золото. Он улыбался, говорил что-то соседям, но от него исходила волна такого леденящего ужаса, что Дмитрию захотелось закричать.

Но тут же всё прошло. Шуйский повернулся, взглянул на него – мельком, равнодушно, и холод исчез, будто его и не было. Остался только обычный, человеческий холодок опасности.

Дмитрий перевёл дыхание. Что это было? Он смотрел на других вельмож, стараясь уловить тот же страх. Вот боярин с окладистой бородой – золотая шапка, золотая цепь, ничего. Вот молодой князь в венгерском кунтуше – тоже золото, но внутри пусто. А вот...

Он замер. Рядом с Шуйским стоял его приближённый, худощавый, с длинными, неестественно бледными пальцами, унизированными золотыми кольцами. На шее – золотая гривна,

на поясе – сабля с золотой рукоятью. И от него исходил тот же ледяной страх. Слабее, чем от Шуйского, но явственный, тошнотворный.

Дмитрий впился в него взглядом, стараясь разглядеть за золотом истинное лицо. На миг ему показалось, что черты плывут, искажаются, что под кожей проступает что-то чужое, древнее, с горящими глазами. Но тут же морок вернулся – перед ним снова стоял обычный, чуть бледный человек в золоте.

Музыка гремела, пары кружились в танце, а Дмитрий стоял у колонны и чувствовал, как по спине течёт холодный пот. Он понял: это оно. То, о чём предупреждала Шептунья. Нечисть, которая прячется не в лесах, а во дворцах. Которая носит не серебро, а золото, и становится невидимой.

После бала, когда гости разъехались и зала опустела, Дмитрий долго не мог прийти в себя. Дядька, заметив его состояние, подошёл, тронул за плечо:

– Ты чего, граф? Бледный весь.

– Ничего, – ответил Дмитрий, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Просто... душно здесь.

Но он знал: это не духота. Это страх. Тот самый, что жил в нём с детства и теперь вернулся, чтобы предупредить: враг рядом. Враг в золоте. И его надо найти.

Часть 7. Тайная встреча с Агафоном

Ночь опустилась на Царьград тяжёлым, непроглядным по-

логом. Луна спряталась за тучи, и даже факелы у ворот Кремля горели тускло, словно нехотя. Дмитрий вышел с подворья, когда город уже затих, но тишина эта была обманчивой – то там, то здесь слышались пьяные выкрики, лай собак, далёкий женский смех.

Он шёл пешком, без охраны. Агафон велел приходить одному. Дорога петляла по кривым переулкам, где впору заблудиться, но Дмитрий запоминал путь по приметам: кривое дерево, облупившаяся икона на углу, колодец с покосившимся журавлём.

Чем дальше он уходил от центра, тем беднее становились дома, тем грязнее улицы. Здесь пахло не духами и сладким вином, а кислой капустой, прелым сеном и ещё чем-то тошнотворным, болотным. Дмитрий почуял этот запах и внутренне подобрался – нечисть? Но нет, слишком слабо, слишком бытово. Просто городская грязь.

Лавка Агафона пряталась в подвале старого дома на окраине. Снаружи ни вывески, ни опознавательных знаков – только покосившаяся дверь, обитая проржавевшим железом. Дмитрий постучал условленным стуком: три коротких, два длинных.

Дверь приоткрылась, блеснул глаз, и через миг Дмитрий уже стоял внутри. Пахло сушёными травами, воском и мышами. В тусклом свете лучины он разглядел полки, уставленные пузырьками, связками кореньев, стопками старых книг.

– Проходи, граф, – Агафон запер дверь на тяжёлый засов

и жестом указал в глубину лавки, где стоял стол и две лавки.

Дмитрий сел, оглядываясь. Старик суетился, зажигал ещё одну лучину, доставал из-за пазухи свёрток.

– От графини тебе, – сказал он, протягивая запечатанный конверт. – Читай потом, наставления. А сейчас слушай меня.

Он придвинулся ближе, понизил голос до шёпота:

– Здесь, граф, глаза и уши повсюду. У стен есть уши, у половиц – языки. Кому доверять – не знаешь. Может, я сам тебя через месяц продам, если цена будет правильная.

Дмитрий нахмурился, но Агафон усмехнулся беззубым ртом:

– Не бойся, я графинин человек, до гроба. Но другие... другие продадут не задумываясь.

Он помолчал, потом заговорил снова:

– Золото здесь слепит. Ты это уже почуял, я знаю. На балах, на приёмах, везде. Они носят золото, и под ним – кто знает, что. Но ты, граф, верь своему нутру. Оно не обманет. Если страх пришёл – значит, рядом тварь. Даже если глаза её не видят.

Дмитрий слушал, впитывая каждое слово.

– Шуйский, – продолжал Агафон, – сам по себе человек. Хитрый, злой, но человек. А вот его приближённые... особенно тот, долговязый, с длинными пальцами... за ним приглядывай. И за другими тоже. Здесь многие в золоте ходят. Многие.

– Как их найти? – спросил Дмитрий. – Если я не вижу?

– Жди, – просто ответил старик. – Они себя проявят. Начнут убивать, красть, мутить воду. А ты в это время будь рядом. И слушай свой страх. Он приведёт.

Агафон протянул ему ещё один свёрток – поменьше.

– Травы тут. От сглаза, от порчи, от ночного крику. И порошок особый, ежели что – сыпни в глаза твари, она на миг ослепнет. Саблей и руби.

Дмитрий взял, спрятал за пазуху.

– Спасибо, Агафон.

– Служи, граф, – старик поднялся. – Царевичу служи, правде служи, а золоту не верь. Оно блестит, да гниль под ним.

Он проводил Дмитрия до двери, отодвинул засов.

– Ступай с Богом. И помни: нутро не обманет.

Ночь встретила Дмитрия темнотой и холодом. Он шёл назад, держась рукой за спрятанные наставления, и думал о том, что теперь он не просто рында. Теперь он – охотник. И дичь его ходит в золоте и улыбается с придворной лестью.

Часть 8. Первое поручение

Прошла неделя после разговора с Агафоном. Дмитрий нёс службу, стоял в караулах, наблюдал, запоминал, но ничего не происходило. Холод под ложечкой больше не возвращался, и он начал думать, что, может, показалось. Может, это просто нервы, новая обстановка, усталость.

Но царевич не забывал о нём.

Вызов пришёл на исходе дня, когда Дмитрий уже собирался сменяться с поста. Молодой стольник, почти мальчик, запыхавшись, подбежал:

– Граф, за тобой. Царевич велит явиться.

В покоях Ивана Ивановича было темно – горели только две свечи на столе, заваленном бумагами. Царевич сидел в кресле, устало потирая переносицу. При виде Дмитрия он выпрямился, и лицо его стало обычным – спокойным, непроницаемым.

– Граф, – сказал он без предисловий, – дело есть. Тайное. Дмитрий молча ждал.

– Завтра на рассвете из города выйдет человек. Купец, с виду обычный. Но под товаром у него – грамоты, важные для меня. Надо проводить его до первой заставы, чтобы никто не перехватил. И чтобы никто не знал, что он мой человек.

– Понимаю, государь, – кивнул Дмитрий.

– Возьми с собой кого хочешь из своих, но тихо. Никаких рындов, никаких гайдуков в форме. Обычные люди, обычная охрана. И смотри в оба. Враги знают, что я жду вестей. Могут попытаться.

Дмитрий поклонился и вышел. Внутри закипал азарт – первый раз за все эти недели он чувствовал себя живым, нужным, настоящим.

На рассвете они выехали. Дмитрий, Дядька и двое гайдуков, переодетые в простые сермяги, верхом на неказистых лошадях, смешались с обозом купца. Купец – невысокий,

плотный мужичок с хитрыми глазами – оказался человеком бывалым. Он только глянул на Дмитрия и кивнул: мол, знаю, делайте что велено.

Выехали за заставу, когда солнце только поднялось. Дорога вилась через поля, перелески, мимо проснувшихся деревенек. Дмитрий ехал чуть поодаль, не выпуская из виду обоз, но стараясь не привлекать внимания. Всё было тихо, спокойно, даже слишком.

И тут он почувствовал.

Холодок пробежал по спине, заставил насторожиться. Он оглянулся. Позади, на холме, мелькнули три всадника. Остановились, смотрят в их сторону. Потом медленно поехали дальше, не приближаясь, но и не отставая.

– Дядька, – тихо сказал Дмитрий, – за нами хвост.

– Вижу, – старый воин прищурился. – От самой заставы плетутся.

Дмитрий прибавил ходу, подъехал к купцу, шепнул:

– За нами слежка. Гони к лесу, там развилка. Мы задержим.

Купец побелел, но кивнул и хлестнул лошадей. Обоз рванул вперёд, а Дмитрий с гайдуками отстал, пропуская их, и развернулся лицом к преследователям.

Те, увидев это, прибавили шаг. Трое, вооружённые, в добротных кафтанах – не простые разбойники, чьи-то люди.

– Кто такие? – крикнул Дмитрий, выхватывая саблю.

Вместо ответа они бросились в атаку. Двое на Дмитрия,

один на Дядьку. Бой был коротким и жестоким. Дмитрий, забыв про столичные манеры, рубился как в лесу, когда за спиной – жизнь. Первого снял с коня одним ударом, второй успел полоснуть ножом по руке, но тут же получил саблей в шею.

Оглянулся – Дядька уже добивал своего. Гайдуки справились с теми, кто пытался обойти.

– Живы? – крикнул Дмитрий.

– Вроде да, – крикнул Дядька, вытирая окровавленный нож.

Трупы обыскали быстро. Ни бумаг, ни опознавательных знаков – только кошель с деньгами да хорошее оружие. Наёмники, ничего не скажешь.

– Бросаем, – скомандовал Дмитрий. – Догоняем обоз.

Они нагнали купца уже у леса. Тот, увидев их целыми, перекрестился и погнал дальше. До заставы добрались без приключений.

Назад, в столицу, Дмитрий возвращался уже в сумерках. Рука ныла, но он не обращал внимания. В голове крутилась одна мысль: его заметили. Враги знают, что он существует. И теперь охота начнётся всерьёз.

Вечером он доложил царевичу. Иван выслушал, кивнул, и в глазах его мелькнуло что-то тёплое – может, благодарность, может, одобрение.

– Молодец, граф. Ступай отдыхай. Завтра поговорим.

Дмитрий вышел, чувствуя, что первое испытание пройде-

но. Но впереди были новые, и они будут страшнее.

Часть 9. Царевич присматривается

На следующий день после поручения Дмитрий снова предстал перед царевичем. На этот раз Иван принял его не в официальной обстановке, а в малой горнице, где не было ни стольников, ни дьяков, только они вдвоём да тусклый свет зимнего утра, сочившийся сквозь слюдяные оконца.

Царевич сидел у стола, на котором стоял кувшин с квасом и два кубка. Жестом указал Дмитрию на лавку напротив.

– Садись, граф. Пей. У нас разговор долгий будет.

Дмитрий сел, принял кубок, но пить не стал – ждал. Иван усмехнулся, заметив это.

– Осторожный. Это хорошо. В столице без осторожности – пропадёшь.

Он отпил сам, помолчал, потом заговорил:

– Расскажи мне о своей губернии. О графине, о жене, о том, как ты на нечисть охотился. Не по бумагам, а по правде.

Дмитрий рассказывал. Просто, без прикрас, но и не скромничая. О том, как в детстве Шептунья перепекла его в печи. О том, как впервые почувствовал холод – предвестник нечисти. О том, как рубил головы упырям, как те рассыпались прахом. О графине, о Лизе, о гареме. О том, как в охоте погиб Петька, и как он, Дмитрий, нёс его тело на руках.

Иван слушал не перебивая, только иногда кивал или задавал короткие уточняющие вопросы. Когда Дмитрий замол-

чал, долго сидел, глядя в стену.

– Ты не врѣшь, – сказал он наконец. – Это я умею отличать. У меня тут каждый врѣт. Бояре, дьяки, даже слуги. А ты... ты как из другого мира.

Он повернулся к Дмитрию, и в глазах его мелькнуло что-то, похожее на зависть.

– Хорошо у вас там, в губернии. Просто. Враг пришёл – руби. Любишь – так и говоришь. А здесь... здесь всё шиворот-навыворот. Здесь враг улыбается и в глаза заглядывает, а сам нож точит. Здесь любовь продают и покупают, как товар на торгу.

Дмитрий молчал, понимая, что царевич не ждёт ответа – он просто говорит то, что наболело.

– Ты, граф, меня трижды спас, – продолжал Иван. – Я считаю. Первый раз – когда на охоте наёмников отбил. Второй – когда тень в покоях зарубил. Третий – вчера, с гонцом. И каждый раз ты делал то, что должен, а не то, что выгодно. За это я тебя и ценю.

Он отпил ещё квасу, посмотрел на Дмитрия долгим, изучающим взглядом.

– Я думаю о твоей дальнейшей судьбе, граф. Рында – это хорошо для начала, но ты не для того рождён, чтобы стены подпирать. Ты воин, охотник. Таким при дворе место особое. Но спешить нельзя. Шуйский уже на тебя косится. Если я сразу возвышу тебя, он озлобится пуще. Надо подождать, подготовить почву.

– Я понимаю, государь, – ответил Дмитрий. – Я умею ждать.

– Это я уже понял, – усмехнулся Иван. – Ты многое умеешь. И это... чутьё твоё... оно здесь, в столице, дорогого стоит. Ты, главное, верь ему. Если почувешь что – сразу ко мне. Не к десятнику, не к воеводе, прямо ко мне. Понял?

– Понял, государь.

Иван поднялся, давая понять, что разговор окончен. На прощание он положил руку Дмитрию на плечо – жест, который при других обстоятельствах мог бы показаться покровительственным, но сейчас был просто человеческим.

– Ступай, граф. Отдыхай. Завтра снова в караул. А там... там видно будет.

Дмитрий вышел от царевича с лёгким сердцем. Впервые за все эти недели он почувствовал, что его здесь не просто терпят, а ценят. Что у него есть не только враги, но и союзник. И этот союзник – сам царевич.

Вечером он написал письмо Лизе. Длинное, подробное, тёплое. О том, что скучает, что ждёт встречи, что всё идёт как надо. Обещал вернуться. И сам поверил в это обещание.

Часть 10. Первая зима в столице

Зима в Царьграде оказалась не такой, как в губернии. Там мороз кусал за щёки, снег скрипел под ногами, а в избе пахло печным теплом и пирогами. Здесь снег быстро становился грязным, мороз пробирал до костей в нетопленных переходах,

а в каменных мешках дворца не было того уюта, к которому он привык.

Дмитрий нёс службу. Стоял в караулах, сменял других рындов, учился застывать статуей на долгие часы. Тело привыкло к неподвижности, но душа... душа ныла.

Особенно тяжело было, когда мимо проходили знатные дамы. Они скользили по коридорам, шурша парчой и атласом, и каждая считала своим долгом одарить рынду оценивающим взглядом. Молодые, красивые, разодетые в пух и прах, они смотрели на Дмитрия так, как дома смотрели на жеребца-производителя – оценивая стать, силу, возможную пользу.

Иные не ограничивались взглядами. Одна боярыня, пышная, с тяжёлой грудью, едва прикрытой кружевами, проходя мимо, задела его рукой и шепнула:

– А ты ничего, рында. Заходи, если скучно станет.

Другая, моложе, но с такими же холодными, расчётливыми глазами, остановилась напротив, разглядывая его откровенно, с головы до ног, и усмехнулась:

– И что такого красивого в этих провинциалах? А впрочем... может, попробовать?

Дмитрий стоял не шелохнувшись, глядя прямо перед собой, но внутри всё холодело. Это было не то. Совсем не то. Дома жёны смотрели на него с теплом, с любовью, с желанием, в котором была не только похоть, но и нежность. Здесь же в глазах этих женщин была только оценка: сгодится – не

сгодится, какой прок, какую выгоду можно извлечь.

Вечерами он возвращался на подворье, садился у окна и писал письма Лизе.

«Родная моя, здравствуй. У нас всё хорошо, служба идёт, царевич мной доволен. Но скучаю я по вас так, что сердце щемит. Здесь всё не так, как дома. Люди здесь другие – улыбаются, а глаза холодные. Снятся мне часто наши ночи, твои руки, твой смех. Береги детей, целуй их за меня. Скоро увидимся, обещаю».

Писал он и жёнам – коротко, но каждой находил тёплые слова. Марфе – что помнит её огонь, Софье – что ценит её ум, Анне – что скучает по её нежности. Это было важно – они ждали, они верили.

Однажды, стоя в карауле у покоев царицы, он увидел сцену, которая запомнилась надолго. Молодой рында, совсем мальчишка, стоял у дверей. К нему подошла знатная дама, что-то шепнула, и парень, покраснев до корней волос, кивнул. Вечером Дмитрий узнал, что его нашли мёртвым – зарезанным в чужой постели, когда муж вернулся не вовремя.

– Здесь так, граф, – сказал Дядька, когда Дмитрий рассказал ему об этом. – Красивые женщины – они как яд. Пьёшь – сладко, а проснёшься – в гробу.

Дмитрий кивнул. Он уже понял это. И чем дольше он смотрел на столичную жизнь, тем яснее осознавал: дом, Лиза, жёны, дети – это не просто его прошлое. Это его якорь, его спасение, его правда.

А здесь, во дворце, всё было ложью. И золото, и улыбки, и даже женская ласка. Всё продавалось и покупалось, всё имело цену.

В одну из таких ночей, лёжа без сна, Дмитрий вдруг отчётливо понял, что именно здесь, в этой фальшивой роскоши, он по-настоящему полюбил Лизу. Не так, как любил раньше – по долгу, по привычке, по нежности. А новой, взрослой любовью, которая не требует присутствия, а живёт в сердце, согревая даже в самый лютый холод.

– Вернусь, – прошептал он в темноту. – Обязательно вернусь.

За окнами выла метель, заметая следы, и казалось, что сама зима плачет вместе с ним, разделяя его тоску по дому.

Часть 11. Вести из дома

Зима тянулась долго, как старая песня. Дмитрий уже сбился со счёта, сколько раз сменился на посту, сколько раз наблюдал за придворными играми, сколько раз подавлял в себе желание бросить всё и уехать домой. Но служба есть служба, и он нёс её исправно, заслужив репутацию молчаливого, надёжного рынды, на которого можно положиться.

В один из вечеров, когда метель завывала за окнами особенно тоскливо, в дверь подворья постучали. Дядька, ворча, пошёл открывать и вернулся с Агафоном. Старый ключник был весь в снегу, но глаза его светились радостью.

– Граф, – сказал он, отряхиваясь, – тебе письмо. От Лизы.

Дмитрий выхватил конверт, разорвал печать. Руки дрожали, когда он разворачивал листок. Письмо было длиннее предыдущего, и каждое слово он впитывал, как иссохшая земля воду.

«Митяй мой любимый, здравствуй. У нас всё хорошо, но скучаем мы по тебе невероятно. Анастасия уже совсем большая, бегают по горницам и всё спрашивает, когда тятя вернётся. Я ей показываю твой портрет, что художник писал перед отъездом, она целует его и говорит: „Тятя“. Жёны твои тоже скучают. Марфа каждый день спрашивает, нет ли вестей, Софья в библиотеке твои книги перечитывает, Анна молится за тебя. Графиня здорова, шлёт тебе наставления и велит беречь себя. Мы все ждём тебя, родной. Возвращайся скорее. Твоя Лиза».

К письму был приложен небольшой рисунок – детской рукой, коряво, но старательно нарисованная фигурка мужчины в кафтане, с саблей и улыбкой. Подпись: «Тятя». Дмитрий смотрел на этот рисунок, и слёзы наворачивались на глаза. Анастасия. Его дочь. Она уже рисовала. Она помнила его.

– Спасибо, Агафон, – сказал он, пряча письмо у сердца.
– Спасибо, что принёс.

– То ли ещё будет, граф, – улыбнулся старик. – Царевич тобой доволен. Очень доволен. Говорит, таких верных людей у него давно не было. Так что жди, скоро повышение будет.

– Какое повышение?

– А вот увидишь, – загадочно ответил Агафон. – Не мне о

том говорить. Но ты готовься. Царевич тебя в ближний круг приблизить хочет. Это тебе не рында стоять.

Он ушёл, а Дмитрий долго сидел, глядя на огонёк свечи. На душе было тепло и тревожно одновременно. Лиза ждала, дети ждали, дом ждал. Но здесь, в столице, начиналось что-то новое, важное, что могло изменить всё.

– Дядька, – позвал он, – а ты как думаешь, надолго мы здесь?

Старый воин, сидевший в углу с трубкой, пожал плечами: – А кто ж его знает, граф. Может, на год, может, на десять лет. Но я так скажу: ты своё дело делай честно, а судьба сама решит. Главное – домой не забывай писать. И сам не теряйся.

Дмитрий кивнул. Он не потеряется. Ради Лизы, ради Анастасии, ради всех, кто ждал, он выдержит любые испытания.

Ночью ему приснился дом. Лиза стояла на крыльце, протягивая к нему руки, а вокруг бегали дети, много детей, и все они смеялись. Проснулся он с улыбкой, и впервые за долгие месяцы на душе было легко.

Утром, когда он заступал на пост, к нему подошёл царевичев стольник и шепнул:

– Граф, после службы зайти к Ивану Ивановичу. Велел передать.

Дмитрий понял: что-то начинается. И был готов.

Часть 12. Конец первого года

Год на исходе. За окнами подворья мела метель, заметая

следы и дороги, но в горнице было тепло – печь гудела ровно, сыто, отдавая жар в каждый угол. Дмитрий сидел у стола, перечитывая письма от Лизы, сложенные в стопку. За этот год их накопилось с десятков – каждое дороже золота, каждое согревало душу в самые холодные ночи.

Он изменился. Это чувствовалось даже по тому, как сидел, как держал спину, как смотрел на огонь. В столице он научился ждать, наблюдать, молчать. Научился различать фальшивые улыбки и искренние взгляды, понимать, кто чего стоит на самом деле. Но главное – он понял, что настоящая битва ещё впереди.

Шуйский затаился. После того первого столкновения на балу и неудачной слежки за гонцом он больше не предпринимал открытых действий, но Дмитрий чувствовал: враг копит силы, плетёт сети. И где-то в этих сетях, под золотыми масками, прячется та самая нечисть, которую он чуял, но не мог увидеть.

Царевич Иван был доволен его службой. Несколько раз они говорили по душам, и Дмитрий видел, как в глазах молодого правителя загорается надежда. Надежда на то, что рядом есть человек, которому можно доверять. Но оба понимали: время открытой борьбы ещё не пришло. Надо ждать, копить силы, готовиться.

Вечером, Дмитрий лёг спать рано. Усталость за этот год накопилась нечеловеческая – не столько физическая, сколько душевная. Он закрыл глаза и провалился в сон сразу, без

сновидений.

А потом пришла она.

Шептунья стояла на опушке леса – та самая, что когда-то перепекла его в печи, дав дар видеть нечисть. Старая, сморщенная, голая, с длинными седыми космами, развевающимися на ветру. Она смотрела на него пустыми глазницами, но Дмитрий знал: она видит. Видит всё, что с ним было и будет.

– Золото, милок, золото, – зашепелявила она, и голос её шелестел, как сухая листва. – Они в золоте, как в утробе. Ты их не увидишь, только почувешь. По страху, по холоду, что в детстве чуял. Помнишь?

– Помню, – ответил Дмитрий во сне.

– Нечисть под золотом – самая страшная. Она не в лесах прячется, она среди людей живёт. Князя, бояре, воеводы... Многие из них уже не люди. Но ты... ты им не по зубам. Ты перепёкнутый. Ты видишь правду. Только верь себе. И не спеши. Они сами выползут, когда время придёт.

Шептунья растаяла, как дым, оставив после себя запах болотной тины и горечи. Дмитрий проснулся в холодном поту, долго лежал, глядя в потолок. За окнами уже светало – первый день нового, 7092 года.

Он встал, подошёл к окну, отодвинул занавеску. Город просыпался в снежном мареве, где-то вдали зазвонили колокола. Год прошёл. Он выжил, освоился, стал своим. Но главное – впереди.

– Спасибо, бабушка, – прошептал он, глядя на серое небо.

– Я понял.

Он знал теперь, что делать. Ждать, чують, готовиться. И когда враг покажет себя – ударить. Сталью, которая не боится ни серебра, ни золота. Сталью, которая помнит тепло его рук.

В дверь постучали. Вошёл Дядька, хмурый со сна, но уже при деле.

– С Новым годом, граф. Царевич зовёт. Говорит, дело важное.

Дмитрий усмехнулся, натягивая кафтан.

– Идём, Дядька. Время пришло.

ЧАСТЬ 2. ПРИСЯЖНОЙ (7092 год)

Часть 13. Новый чин

Утро после Нового года началось не с похмелья и не с отдыха, а с вызова во дворец. Дмитрий, едва успев умыться и перекусить, уже стоял перед дверями царевичевых покоев, гадая, что его ждёт. Внутри было спокойно, но где-то глубоко, под ложечкой, шевелилось предчувствие – тот самый холодок, что предупреждал об опасности или важных переменах.

Иван Иванович принял его сразу, без обычных церемоний. В горнице, кроме них, был только дьяк с кипой бумаг и старый боярин, которого Дмитрий видел несколько раз при дворе, но имени не запомнил. Царевич сидел за столом, при свете утренних свечей, и выглядел серьёзнее обычного.

– Входи, граф, – сказал он, жестом указывая на лавку. – Садись. Разговор будет долгий.

Дмитрий сел, положил руки на колени, приготовился слушать. Иван развернул свиток, пробежал глазами по строкам, потом поднял взгляд.

– Ты служил исправно, Дмитрий. Целый год нёс караул, молчал, наблюдал, делал то, что велено. И трижды спас меня – от наёмников, от тени, от потери важных вестей. Я таких людей не забываю.

Он сделал паузу, и в этой паузе Дмитрий услышал, как

скрипят перья дьяка, записывающего каждое слово.

– Отныне ты не рында. Ты – присяжной дворянин при моей особе, с чином сотника. Будешь выполнять мои личные поручения, самые важные и самые тайные. Тебе открыты все двери, кроме казны и постельных покоев царицы, – Иван усмехнулся, – но и туда, возможно, когда-нибудь попадёшь, если сумеешь заслужить доверие матери.

Дьяк протянул Дмитрию свиток с печатью. Тот принял, развернул, пробежал глазами. Всё было написано по форме: чин, обязанности, жалованье, право носить особый знак – серебряную перевязь с гербом царевича.

– Благодарю, государь, – Дмитрий поклонился. – Оправдаю доверие.

– Знаю, что оправдаешь, – кивнул Иван. – Потому и даю. Теперь у тебя будет свой угол в Кремле, небольшая, но свои люди, право свободного хода. И главное – ты будешь знать то, что другим не положено. Готов?

– Готов, государь.

Иван махнул рукой, и дьяк с боярином вышли, оставив их вдвоём. Царевич поднялся, подошёл к окну, за которым начиналась метель, и заговорил, не оборачиваясь:

– Ты, граф, не думай, что это просто награда. Это ещё и испытание. Теперь враги будут охотиться на тебя с утроенной силой. Шуйский уже знает, что ты мой человек. Он будет пытаться перекупить тебя, подставить, убить. Или, что хуже, сделать так, чтобы я сам в тебе усомнился.

– Я не продаюсь, – твёрдо сказал Дмитрий.

– Знаю, – обернулся Иван. – Потому и говорю. Но даже самые верные могут пасть, если не знают, откуда ждать удара. Поэтому слушай сюда.

Он подошёл ближе, понизил голос:

– В столице нечисть. Не та, что в лесах воет, а другая – умная, хитрая, в золоте ходит. Я чую это нутром, но не вижу. А ты, говорят, видишь. Вернее, чуешь. Так?

Дмитрий кивнул. Рассказывать о Шептунье и своём даре царевичу он пока не решался, но отрицать очевидное было глупо.

– Вот и будешь моим чутьём, – усмехнулся Иван. – Глазами и ушами. Ходи, смотри, слушай. А если что почувешь – сразу ко мне. И помни: теперь ты не просто рында. Ты – моя правая рука. Береги её.

Он протянул Дмитрию руку, и тот пожал её, как равный равному. В этом рукопожатии было больше, чем в любых указах и печатях.

Выйдя от царевича, Дмитрий долго стоял в переходе, глядя на кружащийся за окнами снег. Жизнь менялась. И он был готов к этим переменам.

Часть 14. Первое настоящее дело

Прошла неделя после получения нового чина. Дмитрий осваивался в роли присяжного, привыкал к новому положению, к тому, что теперь у него был свой угол в Кремле

– небольшая каморка, где можно было передохнуть между поручениями, и право свободно ходить по коридорам, куда раньше вход был заказан.

Иван не давал ему скучать. Поручения сыпались одно за другим: проверить дьяка, подозреваемого в воровстве, сопровождать тайного гонца, проследить за подозрительным купцом. Всё это было мелко, но Дмитрий понимал: царевич проверяет его на прочность, приучает к мысли, что теперь он – глаза и уши.

А потом пришло настоящее дело.

Вызов застал его поздним вечером, когда он уже собирался возвращаться на подворье. Стольник, запыхавшись, вбежал:

– Граф, царевич требует. Немедленно.

В покоях Ивана было темно – горели только две свечи, и их свет выхватывал из мрака бледное, осунувшееся лицо царевича. На столе лежала бумага – донесение, судя по всему.

– Читай, – коротко бросил Иван, протягивая лист.

Дмитрий пробежал глазами. Писали из Земского приказа: за последний месяц в столице нашли четыре трупа. Все – молодые женщины, все – с двумя маленькими ранками на шее. Убийства списали на лихих людей, но пристав, составлявший донесение, в конце приписал: *«Тела иссохшие, словно из них всю кровь высосали».*

– Почерк нечисти, – сказал Дмитрий, поднимая глаза.

– Я тоже так думаю, – кивнул Иван. – Но приказы молчат.

Боятся шум поднимать. А если по городу пойдут слухи об упырях, паника начнётся. Мне нужно, чтобы ты тихо, тайно, нашёл эту тварь. И убил. Без лишнего шума.

– Сделаю, государь.

– Бери кого хочешь, деньги не считай. Но помни: никто не должен знать, чем ты занят. Для всех ты выполняешь мои личные поручения.

Дмитрий поклонился и вышел. В коридоре его уже ждал Агафон – старый ключник появился неизвестно откуда, будто из стены вышел.

– Слышал, граф? – шепнул он. – Дело пахнет жареным. Пошли, покажу тебе одно место.

Они вышли из Кремля через тайный ход, о котором Дмитрий даже не подозревал, и углубились в ночной город. Шли долго, по кривым переулкам, мимо спящих домов и пьяных, валяющихся в грязи. Наконец остановились у покосившейся избы на окраине.

– Здесь одна из убитых жила, – сказал Агафон. – Девка лёгкого поведения, но не последняя. К ней купцы заходили, и не только.

Он постучал условным стуком. Дверь открыла старая сморщенная бабка, зыркнула на них подслеповатыми глазами и впустила внутрь.

В избе пахло кислыми щами и дешёвыми духами. На лавке сидели две девки – молодые, но уже потрёпанные жизнью, с испуганными глазами.

– Рассказывайте, – велел Агафон, кивая на Дмитрия. – Это граф, он поможет.

Девки переглянулись, потом одна, постарше, заговорила:

– К нам тут один захаживал. Боярин, видать, богатый. Всё в золоте ходил, перстни на пальцах, цепь на шее. С виду человек, а как в постель ляжет... холодный, как лёд. И после него девки мрут.

– Когда он в последний раз был?

– Да недели две назад. С Машкой спал, той самой, что потом мёртвой нашли.

Дмитрий почувствовал знакомый холодок. Золото. Опять золото. Тварь пряталась под маской знатного господина.

– Где его искать? – спросил он.

– Не знаем, – пожала плечами девка. – Он сам приходил. Но один раз я видела, как он в карету садился. Герб на дверце – сокол, только не царский, а поменьше. И цифра какая-то.

– Шуйские? – насторожился Дмитрий.

– Может, и они. Не разбираюсь я в гербах.

Дмитрий поблагодарил, оставил денег и вышел. На улице его трясло – не от холода, от злости. Шуйский. Или его люди. Или нечисть под его крылом.

– Что думаешь, граф? – спросил Агафон.

– Думаю, что охота начинается, – ответил Дмитрий. – Ищи мне всё, что можешь, об этом золотом госте. Где живёт, с кем знается, куда ходит.

– Найду, – пообещал старик. – Ты только сам берегись.

Если это Шуйский, он тебя в порошок сотрёт.

– Посмотрим, кто кого, – усмехнулся Дмитрий и шагнул в темноту.

Ночь скрыла его, но холодный ветер нёс с собой запах крови и близкой опасности. Дмитрий знал: он вышел на след. И этот след ведёт прямо в логово врага.

Часть 15. Княгиня Ирина

Приём у князя Шуйского был зрелищем, от которого у Дмитрия рябило в глазах. Золото, золото, золото – оно лилось с потолка в тяжёлых люстрах, горело на окладах икон, облепляло кафтаны гостей так густо, что, казалось, сам воздух стал жёлтым и тяжёлым. Дмитрий стоял у колонны, как учили, – незаметный, но всё видящий, сжимая в руке бесполезный на этом празднике жизни топорик.

Он был здесь не как гость, а как охрана – царевич Иван, по этикету, должен был прислать своего человека на приём к главе враждебного клана. И прислал Дмитрия. Чтобы смотреть, запоминал, чуял.

И Дмитрий чуял. Холодок под ложечкой появился, едва он переступил порог, и не отпускал всё время. Слишком много золота, слишком много улыбок, за которыми угадывались оскальи. Но главный холод шёл от одного человека.

Она сама подошла к нему.

Дмитрий заметил её ещё издали – высокая, статная, в тёмно-вишнёвом платье, расшитом золотыми цветами так густо,

что ткань казалась парчой. Волосы уложены в сложную причёску, открывающую длинную шею, на которой поблёскивало кольцо из крупных рубинов в золотой оправе. Лицо – тонкое, с острыми скулами и большими тёмными глазами, в которых плясали насмешливые искры.

Она плыла сквозь толпу, как корабль сквозь волны, и гости расступались перед ней, кланялись, заискивали. А она шла прямо к Дмитрию, и в её взгляде читалось не просто любопытство – хищный интерес.

– Граф Вронский? – спросила она, останавливаясь в двух шагах. Голос у неё был низким, грудным, с лёгкой хрипотцой, от которой по коже бежали мурашки.

– К вашим услугам, сударыня, – Дмитрий поклонился, стараясь держаться ровно, хотя внутри всё напряглось.

– Ирина Васильевна Шуйская, – она чуть присела в ответном реверансе, и в этом движении было столько грации, что у Дмитрия перехватило дыхание. – Дальняя родственница нашего дорогого хозяина. А вы, я слышала, тот самый охотник, что царевича от смерти спасал?

– Служу государю, как умею.

– Скромничаете, – она шагнула ближе, и Дмитрий почувствовал запах её духов – тяжёлый, сладкий, с нотками чего-то запретного. – Мне рассказывали, вы не просто воин. Вы чуете нечисть. Правда?

– Есть немного.

– Интересно, – Ирина оглядела его с ног до головы, и в

этом взгляде было что-то такое, отчего кровь прилила к лицу. — А меня вы можете почувствовать? Я похожа на нечисть?

Она рассмеялась — тихо, бархатисто, и в этом смехе Дмитрий уловил вызов. И опасность. Она играла с ним, проверяла, дразнила.

— Вы похожи на женщину, которая знает себе цену, — ответил он, глядя прямо в её глаза. — А нечисть, сударыня, пахнет иначе.

— Чем же?

— Страхом. Смертью. Болотной гнилью.

— А я? — она наклонила голову, и в вырезе платья мелькнула ложбинка между грудей. — Чем пахну я?

Дмитрий сделал шаг назад, сохраняя дистанцию. Ольга учила его: такие женщины опаснее любого упыря. Упыря видно, а эта будет улыбаться и точить нож за спиной.

— Вы пахнете розами, сударыня. И чем-то ещё... чем-то, что я не могу определить.

— Может, попробуете определить поближе? — она коснулась веером его рукава, и это прикосновение обожгло даже сквозь ткань. — Я часто бываю одна. Муж вечно в разъездах. А мне скучно.

Она протянула ему сложенную записку — тонкий листок, пахнувший теми же духами. Дмитрий машинально взял, спрятал в рукав.

— Приходите, граф, — шепнула она, приблизив губы к его уху. — Я научу вас различать запахи.

И уплыла так же плавно, как появилась, оставив после себя шлейф духов и тяжёлое, сбившееся дыхание Дмитрия.

Он стоял у колонны, сжимая в руке записку, и чувствовал, как холодок под ложечкой смешивается с жаром в паху. Ирина была опасна. Смертельно опасна. Но от этого она становилась ещё желаннее.

Вечером, вернувшись на подворье, он долго смотрел на записку, не решаясь её развернуть. Потом всё же разорвал конверт. Там был только адрес и время. И приписка: «Жду».

Дядька, заставший его за этим занятием, только крикнул: – Ты, граф, это... смотри. Шуйские – они не дураки. Может, это ловушка.

– Может, и ловушка, – согласился Дмитрий. – Но если нет?

Он спрятал записку в карман и долго не мог уснуть, ворочаясь с боку на бок. А когда заснул, ему снилась Ирина – в тёмно-вишнёвом платье, с хищной улыбкой и глазами, в которых горел огонь. Она манила его за собой, и он шёл, зная, что это конец, но не в силах остановиться.

Часть 16. Первое покушение на царевича

Охота выдалась на славу. Снег искрился на солнце, воздух был чист и морозен, и даже обычно хмурый царевич Иван разругался, повеселел, гоняя зайцев по лесным опушкам. Дмитрий скакал рядом, не спуская глаз с государя, но стараясь не мозолить взгляд – присяжной должен быть тенью, а

не надзирателем.

Свита растянулась по лесу: впереди загонщики с собаками, за ними царевич с близкими людьми, потом рынды, псарь, сокольники. Дмитрий держался чуть поодаль, вслушиваясь в лесные звуки. Всё было спокойно, слишком спокойно.

Холодок пришёл внезапно. Тот самый, детский, липкий, от которого волосы встают дыбом. Дмитрий осадил коня, прислушался к себе – да, опасность рядом. И близко.

– Государь! – крикнул он, прищпоривая Бурана. – Назад!

Но было поздно. Из-за снежных сугробов, из-за вековых елей, вылетели всадники. Пятеро, в чёрном, с лицами, закрытыми башлыками. Сабли сверкнули на солнце, и первый удар пришёлся на рынду, скакавшего ближе всех к царевичу. Тот даже вскрикнуть не успел – рухнул в снег, заливая его алой кровью.

Дальше Дмитрий действовал на рефлексах, как учили в лесу, когда за спиной – жизнь. Буран, понимая хозяина с полуслова, рванул вперёд, и Дмитрий оказался между царевичем и нападавшими раньше, чем кто-либо успел сообразить.

Первого убийцу он снял с коня одним ударом – сабля вошла в шею, как в масло, и чёрная фигура рухнула под копыта. Второй успел полоснуть по руке, но Дмитрий даже не почувствовал боли – только холодок стали и жгучее желание защититься.

– Назад! – снова крикнул он Ивану, прикрывая его собой. Царевич, бледный, но спокойный, развернул коня и по-

скакал к своим, а Дмитрий остался один против троих. Сабля пела в воздухе, разрубая врагов, уворачиваясь от ответных ударов. Один из нападавших метнул нож – Дмитрий отбил его на излёте, и лезвие лишь чиркнуло по щеке Ивана, оставляя кровавый след.

– Государь ранен! – закричал кто-то из свиты.

Но Дмитрий уже добивал последнего. Короткая, злая схватка – и чёрная фигура падает в снег, смешивая кровь с белизной.

Всё кончилось так же внезапно, как началось. Свита окружила царевича, рынды спешили, кто-то уже бежал за лекарем. А Дмитрий стоял, тяжело дыша, сжимая саблю, и чувствовал, как кровь из пореза на руке капает в снег.

– Жив, граф? – подъехал Дядька, хмурый, с топором наготове.

– Жив, – выдохнул Дмитрий. – А государь?

Царевич уже сидел на коне, зажимая щёку платком. Рана была пустяковой – царапина, – но кровь текла сильно, заливая лицо. Иван смотрел на Дмитрия, и в его глазах было что-то новое – не просто благодарность, а настоящее, глубинное уважение.

– Ты спас меня, граф, – сказал он, подъезжая ближе. – Опять.

– Я делал то, что должен, государь.

– Не должен, – покачал головой Иван. – Рынды должны умирать, прикрывая государя. Но ты не рында. Ты – мой че-

ловек. И я этого не забуду.

Он протянул руку, и Дмитрий пожал её, как равный равному. Вокруг суетились, кричали, но для них двоих время словно остановилось. В этом рукопожатии было больше, чем в любых указах и наградах.

– За мной должок, – тихо сказал Иван. – И я его отдам.

Охота была испорчена. Тела убитых собрали, обыскали – ничего, только оружие да кошель с монетами. Наёмники, ничего не скажешь. Чьи – догадаться нетрудно, но доказательств не было.

Вернувшись в столицу, Дмитрий зашёл к Агафону. Старый ключник, выслушав, только крикнул:

– Шуйский, кто ж ещё. Чует лиса, что ты для царевича опасен. И хочет убрать, пока не поздно.

– Знаю, – кивнул Дмитрий. – Но теперь я тоже кое-что понял. Он не просто так напал. Он боится. Боится, что я раскрою его тайны.

– Какие тайны?

– Те, что под золотом спрятаны, – усмехнулся Дмитрий. – И я их раскрою. Обязательно.

В ту ночь он долго не мог уснуть, ворочаясь на лавке. Рука болела, но это была приятная боль – боль победы. Впервые за долгое время он чувствовал, что по-настоящему нужен. Не как рында, не как статуя, а как воин, как защитник. И ради этого стоило терпеть и холод, и боль, и тоску по дому.

Утром пришёл вызов от царевича. Иван ждал его в малой

горнице, уже без платка на щеке – только тонкая полоска заживающей раны.

– Садись, граф, – сказал он, указывая на лавку. – Говорить будем.

И они говорили. Долго, откровенно, как не говорили никогда. О врагах, о нечисти, о будущем. И в этом разговоре Дмитрий понял: отныне они не просто государь и слуга. Они – союзники. Братья по оружию. И это дороже любых чинов.

Часть 17. Испытание Ириной

Он пришёл к ней, когда город уже погрузился в темноту, а редкие фонари лишь подчёркивали черноту переулков. Дом Ирины стоял в тихом месте, недалеко от Кремля, но в стороне от шумных улиц – двухэтажный особняк с резными наличниками и высоким крыльцом, у которого ждал молчаливый слуга.

Дмитрия провели через анфиладу комнат, мимо зеркал в тяжёлых рамах, мимо портретов незнакомых людей, смотревших на него с холодным любопытством. В гостиной горели свечи – десятки свечей, и их свет дробился в хрустале, создавая причудливые узоры на стенах. Пахло теми же духами, что и на приёме, – сладкими, тяжёлыми, обещающими запретное наслаждение.

Ирина ждала его в будуаре. Она лежала на широкой тахте, покрытой шёлковыми подушками, в пеньюаре из тончайшего батиста, сквозь который угадывалось тело – длинные но-

ги, округлые бёдра, высокая грудь с тёмными сосками, проступающими сквозь ткань. Волосы её были распущены и падали на плечи тёмной волной.

– Ты пришёл, граф, – сказала она, и в голосе её не было вопроса – только удовлетворение. – Я знала, что придёшь.

– Я не мог не прийти, – ответил Дмитрий, и это была правда.

Она поднялась одним плавным движением, подошла к нему вплотную, и он почувствовал жар её тела сквозь тонкую ткань. Её руки легли ему на грудь, пальцы пробежали по пуговицам кафтана.

– Ты слишком долго стоял у колонны, – шепнула она, растёгивая одну пуговицу, другую. – Я смотрела на тебя и думала: какой же ты красивый. И какой напряжённый. Тебе нужно расслабиться, граф. Я помогу.

Дмитрий знал, что это опасно. Знал, что Ирина – родственница Шуйского, что она может быть подослана, что каждая минута здесь – риск. Но когда её губы коснулись его шеи, а пальцы скользнули под рубашку, все мысли исчезли. Осталось только тело, требующее близости.

Она раздела его быстро, умело, и он отвечал тем же, срывая с неё тонкий батист, обнажая грудь, живот, тёмный треугольник внизу. Ирина засмеялась тихо, довольно, когда он подхватил её на руки и понёс к тахте.

Страсть вспыхнула мгновенно, как сухая трава от искры. Ирина оказалась ненасытной, изобретательной, она брала

всё, что он мог дать, и требовала ещё. Её тело извивалось под ним, её стоны заглушали треск свечей, её ногти оставляли алые полосы на его спине. Дмитрий отдавался этому огню без остатка, забыв обо всём – о долге, об опасности, о доме.

А когда всё кончилось, и они лежали обессиленные, в полумраке угасающих свечей, на него накатила пустота.

Она была холодной, липкой, как та самая нечисть, что он чуял в лесах. Ирина, прильнувшая к его плечу, вдруг стала чужой, почти враждебной. Её кожа, ещё недавно казавшаяся бархатной, теперь вызывала отвращение. Её дыхание, сладкое от вина и страсти, пахло чем-то гнилым.

Дмитрий закрыл глаза и увидел Лизу. Её лицо, её улыбку, её руки, такие тёплые и родные. Вспомнил, как они лежали после близости, и она шептала ему на ухо нежные слова, и не было этой ледяной пустоты, а только покой и счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.